

Армия и общество: взгляд индивида

Согласно объявленной теме нынешней конференции, я попытался проанализировать все то положительное и отрицательное, что видел за четыре года моей службы в армии. В данной статье речь пойдет прежде всего о моем собственном восприятии армии, о моем личном к ней отношении как рядового российского гражданина. Это будет, если хотите, в некотором смысле исповедь, хотя этот жанр нынче и не в моде.

Для начала скажу, какое имею отношение к армии. Сам я человек сугубо гражданский в том смысле, что никогда не мечтал служить в армии, но волею судьбы побывал там дважды. Первый раз проходил службу после окончания техникума в течение двух лет – с 1974 по 1976 годы – в войсках ПВО, последние должность и звание – старший оператор кабины приемно-передающих устройств зенитно-ракетного комплекса СНР-75, младший сержант. Второй раз я был призван также на два года – с 1981 по 1983 годы – после окончания вуза. Службу проходил в железнодорожных войсках, в первой Кенигсбергской ордена Александра Невского бригаде первого железнодорожного корпуса на строительстве восточного участка Байкало-Амурской магистрали. Последняя должность и звание – начальник вещевой службы части (батальона), старший лейтенант интендантской службы.

Служил, как я считаю, хорошо, честно, с полной отдачей. Да не осудят меня за нескромность, если перечислю свои армейские поощрения. За срочную солдатскую службу имею более 20 благодарностей от командования, почетную грамоту от командира дивизии генерал-майора Селиванова, ценный подарок от командира полка полковника Кравчука (авторучка с золотым пером), заслужил все знаки солдатской воинской доблести, включая знак отличника Национальной Народной Армии ГДР (стреляли вместе с немцами на полигоне). Офицерская служба сложилась, правда, менее удачно в смысле поощрений, но и за нее в итоге был награжден правительственной наградой – медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали», достаточно

---

* *Владимир Николаевич Мамяченков* – канд. ист. наук, доцент УрГУ им. А.М.Горького (Екатеринбург).

редкий для «двухгодичника» случай – наградами нас там не баловали.

Сейчас, когда мне перевалило за 50, нередко вспоминаю те уже далекие годы, перебираю в памяти страницы жизни и делаю выводы: ведь что там ни говори, а жизнь в основном прожита и следует подвести хотя бы предварительные ее итоги. Надо сказать, что вступил я в этот мир с лучшими чувствами и намерениями. Мои родители, простые советские люди, рабочие, воспитали меня в исключительно патриотическом духе. Я всегда восхищался нашим государством, его героями и свято верил в то, что эта страна и есть самая лучшая на свете. Хорошо помню, как, служа первый раз в армии, все порывался подать рапорт о направлении меня в какую-нибудь «горячую» точку. Но в то время таковой просто не было, а сражаться за Родину с ее врагами очень даже хотелось.

Вообще, я видел две армии. В первой, после техникума, я не сталкивался с дедовщиной, там царили порядок и дисциплина. Всю жизнь буду помнить старшину нашего третьего зенитно-ракетного дивизиона прапорщика Михаила Федоровича Морозова, благодаря неустанным стараниям которого мы, солдаты и сержанты, были всегда ухожены, накормлены и одеты по форме. Остались в памяти другие прапорщики и офицеры, ни один из которых никогда не поднял руку на солдата, честно исполняя свой воинский долг: прапорщики Зинченко, Трофимов, Кубрак, лейтенанты Винокуров, Газин, Сенчихин, старшие лейтенанты Сигарев, Федянин, Яценко, капитан Басурин. Командовал дивизионом участник боевых действий наших войск ПВО во Вьетнаме подполковник Иванов. Он почти ничего и никогда не рассказывал о своей «тропической» службе, но за него убедительно говорили два ордена Красной Звезды и три вьетнамских ордена, которые украшали мундир нашего командира по праздникам.

Конечно, такой обстановке благоприятствовал ряд обстоятельств: место службы (южный берег Крыма, пригород Алушты), а также род войск и специальный подбор личного состава. Например, хорошо помню, как меня не допускали к работе с техникой до той поры, пока я не прошел «спецпроверку» и особый отдел полка не дал на это разрешение. Тем не менее, состав солдат и сержантов был очень разнородный, а у некоторых из них весьма отчетливо просматривались уголовные наклонности. Поэтому периодически в подразделении случались ЧП, связанные прежде всего с воровством вещей у личного состава. Но в целом, повторяю, морально-психологическая обстановка в дивизионе была вполне сносная.

За это относительное благополучие судьба сполна спросила с меня в годы моей второй службы – на БАМе. То, что я там увидел, потрясло меня и запечатлелось на всю жизнь. Уже тогда поражало наплевательское отношение большинства офицеров и прапорщиков к рядовому и сержантскому составу. Среди самих солдат царила «дедовщина» в самых омерзительных ее формах, включая принуждение молодых солдат к гомосексуализму. Заурядным явлением были драки и избиения, глумление над слабыми и всяческое унижение их. Кстати, и рукоприкладство со стороны офицеров и прапорщиков по отношению к рядовым случалось сплошь и рядом. Попытки вмешательства встречались с недоумением и враждебностью – офицеры и прапорщики почему-то были уверены, что битье солдат – дело естественное и даже полезное. Именно в железнодорожных войсках я впервые услышал такую «шутку» от замполита нашего батальона майора К., который заявил солдатам: «Рукоприкладством я не занимаюсь. На это есть статья в Уголовном кодексе. Я вас, сволочей, ногами бить буду. За ногоприкладство статьи у нас нет». Не правда ли, очень смешно? И это сказал замполит... Почти не помню случаев, чтобы за избиение своих подчиненных привлекли к ответственности кого-либо из этих «воспитателей». Нередко среди солдат случались самоубийства (хорошо помню, как в нашем батальоне застрелился во время несения караульной службы рядовой Вахтин из Ленинграда) и даже убийства. Иногда солдаты просто пропадали без вести. Так, например, в июне 1982 года в районе разъезда Утиный пропал рядовой Иванов из Ижевска. Этому происшествию предшествовало другое, еще более тяжелое, – во время работ под гусеницами буровой транспортно-самоходной установки погиб рядовой Рахимов из Казахстана. Отчего эта установка, стоявшая без присмотра на склоне сопки, вдруг покатилась с места, так и не было установлено. А водителем ее был как раз Иванов. После загадочного исчезновения Иванова долго ходили слухи, что кто-то счел его прямым виновником гибели Рахимова и жестоко ему отомстил...

О воровстве я уж и не говорю – с этим явлением мне, как начальнику вещевого службы батальона, приходилось сталкиваться постоянно. Вещевое имущество, едва только попав в подразделения, сразу же расхищалось, иногда не доходя до солдат. Вспоминаю один эпизод: в октябре 1982 года я привез на разъезд Утиный полную машину вещевого зимнего имущества. Разгрузил его на временный склад, который в ту же ночь обворовали. Кто и зачем? Думаю, что сделали это сами солдаты, а украденное по дешевке продали «бичам», то есть гражданским рабочим

при батальоне. И это притом, что весь младший личный состав страдал от холода. Пришлось выкручиваться разными способами. Например, недостающие шапки-ушанки... купил в воен-торге (уговорил командира выписать для этого денежные премии нескольким офицерам).

Не забыть и другой случай, когда я однажды поймал-таки воришку-солдата, который у меня на глазах пытался украсть из мешков с вещевым имуществом трусы и майку, причем уже поношенные. Отпустил его, конечно, с миром, когда увидел его «добычу». В ответ услышал сдавленное «спасибо». Оказалось, что у бедолаги вовсе не было нательного белья... Впрочем, что мы хотим от солдат и сержантов или от того же прапорщика – начальника вещевого или продовольственного склада, если на скамью подсудимых не так давно попал сам главный финансист российской армии генерал Олейник....

Но, повторяю, самым отвратительным было бездушное отношение к личному составу. Причем всё оправдывалось политотдельской демагогией вроде «крылатой» фразы: «Мы строим БАМ, а он строит нас». Когда же не убеждала демагогия, то напоминали Устав, который, как известно, обязывает военнослужащих «...стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». От несоблюдения же элементарных правил техники безопасности, от несчастных случаев, суицидов и просто убийств ежегодно в корпусе гибли десятки военнослужащих. Только за один 1982 год в нашем корпусе погибли 67 человек. Это в мирное-то время и безо всякой стрельбы!

Там же, на БАМе, мне пришлось впервые столкнуться и с такими явлениями, как дезертирство и ...педикулёз, то есть попросту завшивленность личного состава. Нередко у солдат от несоблюдения правил гигиены на ногах открывались страшные долгонезаживающие язвы – эта болезнь, если не ошибаюсь, называется стрептодермия. А дезертирство, о котором тогда нигде и ничего не говорилось! Оно проявлялось в том, что солдаты убегали из части в окружавшие её леса и прятались там какое-то время (обычно до наступления заморозков). Таких «беглецов» в бригаде постоянно насчитывалось по крайней мере несколько человек. С наступлением холодов большинство из них возвращалось в часть. Но иногда все оборачивалось серьезнее: люди просто пропадали без вести или попадали под суд военного трибунала.

Именно это случилось с рядовым из нашего батальона – Хасаншиным. Он бежал из части и был задержан аж в Тюмени (сам он, кстати, был моим земляком, призывался из Свердловс-

кой области. Получается, немного не добежал до дома). Его этапировали обратно к месту службы в наш батальон и устроили показательный суд. Замордованный отношением к себе со стороны сослуживцев, подло обманутый собственным защитником, он на суде «признался» в том, что хотел дезертировать из Советской Армии. Прокурору только это и нужно было. Результат – четыре года лишения свободы в колонии строгого режима. Конечно, кто-то скажет: «Так ему и надо, дезертиру!» Но я-то хорошо знаю, что бежал он не от армии, а от голода, побоев, издевательств и безысходности. На всю жизнь запомнил я его детское лицо с ушами-локаторами... Жив ли он сейчас? Так на моих глазах армия сломала жизнь человеку. А сколько подобных случаев сохранила память! Немного отвлекусь и отмечу, что служба на БАМе, говоря словами небезызвестного классика, глубоко меня перепახала. Именно там я окончательно понял, что то советское государство цинично и подло эксплуатировало мои (да и не только мои – речь идет о целых поколениях советских людей) лучшие патриотические чувства. Сейчас я понимаю, что, в сущности, всегда был для государства расходным материалом, как и все так называемые советские люди. Декларируя приоритет общечеловеческих ценностей (чего в нашей стране никогда не было в принципе), советское государство в грош не ставило жизнь и благополучие любого из нас. Грустно сознавать теперь, что в сущности все мое поколение – это зомбированное поколение, которому с детства внушалось, что оно почему-то пожизненно в долгу у государства. А для того, чтобы мы постоянно чувствовали эту зависимость, существовала стройная система: «Октябрята – пионеры – комсомол – партия». Нам забивали головы дешевой демагогией типа: «Кто, если, не ты, и когда, если не сейчас?», «Раньше думай о Родине, а потом о себе», «За Родиной служба не пропадет» и т.д. и т.п.. При этом понятие «Государство» умышленно, преднамеренно и подло объединялось (и до сих пор объединяется) с понятием «Родина». А ведь делать этого ни в коем случае нельзя, так как это совершенно разные понятия. Вообще, обморочно-восторженное восприятие понятий «Родина» и «Патриотизм» характерно именно для тоталитарных режимов.

Если подумать: что такое государство? Политология определяет это понятие как «Особую организацию политической власти общества, располагающую аппаратом принуждения, выражающим волю и интересы господствующего класса или всего народа». По своей сути, таким образом, государство – это аппарат чиновников, выполняющих общественно необходимые

функции. При этом не надо забывать, что государство выполняет эти свои функции исключительно за счет и на средства своих граждан, которые несут по отношению к нему два вида повинности – налоговую и воинскую. Имеет ли право государство требовать еще и любви к себе? На наш взгляд, абсурден уже сам вопрос. Ответить на него можно только в едкой и шутливой форме: «Любить государство – это неверная сексуальная ориентация». Действительно: любить аппарат чиновников – что уж может быть абсурднее и смешнее.

А что такое патриотизм? В советское время его определяли просто – «Любовь к Родине». Но ведь для кого-то Родиной была и нацистская Германия, а в наши дни это для кого-то Северная Корея... На наш взгляд, патриотизм можно определить как уважительное отношение граждан к своему государству в ответ на заботу о них. Впрочем, разброс взглядов тут велик. Например, популярный английский радиокomentатор, наш бывший соотечественник, Сева Новгородцев утверждал в своем интервью, что «Патриотизм – это удел водопроводчиков». Как говорится, коротко и ясно.

Но вернемся к армии. К сожалению, правдивая история той Советской Армии (да и нынешней тоже) не написана, да и вообще правдивых литературных произведений об армии лично я знаю очень мало (разве что «Стройбат» С.Каледина). Общество по-прежнему отгорожено от армейской жизни бесчисленными заборами, КПП и цензурой, официальной и негласной. То, чем сейчас занимается Комитет солдатских матерей (низкий поклон им за эту работу) – всего лишь верхушка страшного айсберга коррупции и безразличия, разъедающего армию.

Не будем большим открытием сказать, что немного сейчас желающих служить в вооруженных силах (15% от числа призванных, как сообщает газета «Аргументы и факты»). Но ведь эта ситуация сложилась не сейчас – осмелюсь заявить, что и раньше ребята шли туда не очень охотно. Только в прежние времена робкие разговоры об этом, вообще о непорядках в армии, о «дедовщине» тонули в дружном истеричном славословии советской прессы, в обморочно-восторженных репортажах телепрограммы «Служу Советскому Союзу!» (помните еще такую?). Но тот, кто служил в армии, помнит, как мечтает каждый солдат о демобилизации, этом вожаденном «дембеле» (один из ублюдочных армейских терминов). Отсюда и масса нелепых традиций: и отсчет дней до приказа Министра обороны («сто дней до приказа»), и бесчисленные надписи типа «ДМБ – ... (далее год демобилизации)» буквально на всем, на чем можно что-то на-

писать, нацарапать, выбить, вытравить или выгравировать... А чего стоят исколотые иголками или исчерканные календари – как ведут счет прожитым в армии дням многие солдаты и сержанты. За всем этим только одно – безудержное желание как можно скорее покинуть ненавистную им казарму. Кто скажет, что это нормальное явление?

Да что солдаты! Сколько я знаю случаев, когда офицеры всеми правдами и неправдами старались уволиться из армии! На том же БАМе я знал офицера, старшего лейтенанта Сергея Ч., который трижды судился судом офицерской чести (трижды!), и при этом сам просил уволить его из армии, но каждый раз суд ограничивался очередным взысканием. Кстати, только в нашем батальоне за два года моей службы были уволены с формулировкой «за дискредитацию воинского звания» лейтенант Н. и прапорщик М.

Если говорить о престижности воинской службы, то в минувшие годы испарились и последние ее остатки. Далеко не последнюю роль в этом сыграло то, что сейчас юноша, отслуживший в армии, то есть выполнивший свой «почетный и священный долг», оказывается в невыгодном положении по сравнению с теми, кто счастливо избежал призыва. Если уж служба в армии есть «долг и обязанность гражданина РФ», то давайте этот долг исполнять все, кому положено. А праздник 23 февраля должен перестать быть нелепым «мужским днем» (когда, как я говорю, поздравляют всех, кто носит штаны): он должен стать праздником для **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ** защитников Отечества (в том числе и для женщин, кстати).

Итак, к каким выводам я прихожу, вспоминая армию и думая о ней?

1. Очень жаль времени, проведенного в армии. Жаль тех четырех лет «золотого» возраста от 20 до 30. Жаль даже тех 96 (!) часов, что я простоял у знамени нашего полка, охраняя его неведомо от кого. Если бы можно было повернуть время вспять, я никогда бы не пошел в ту армию служить тому советскому государству.

2. Ни в коем случае нельзя смешивать такие разнородные понятия, как «Родина» и «Государство». Тот, кто это делает, всегда либо выдает желаемое за действительное, либо делает это в преступных целях. Мы служим не Родине, а государству, отношения с которым должны строиться только на официальной договорной основе.

3. Понятие «Патриотизм» является понятием чисто искусственным и в современных российских условиях абсолютно спекулятивным.

4. Бороться с «дедовщиной» в нынешней российской армии – дело абсолютно бесполезное. Создать НОРМАЛЬНУЮ обстановку в армии, защищающей НЕНОРМАЛЬНОЕ общество, можно только одним способом – изолировав эту армию морально и материально от этого самого общества и сделав ее элитарной структурой (наподобие КГБ в Советском Союзе). А это технически и материально невозможно. Следовательно, «дедовщина» в российской армии была, есть и будет до тех пор, пока не будет реформировано все наше государство.

А отсюда и последний вывод.

5. Проблему престижа воинской службы можно решить только тем же способом – армия должна стать элитарной структурой общества.